

5. Гази Махмуд Эскиз одного рассказа / М. Гази. – Тегеран: Шахрзад, 1947. – 45 с.
6. Русская свободная энциклопедия www. википедия. 22.05.2015 г.

References

1. Al-Ahmad Jalal (1948) *Chinese vase*. Pub. «Gutenberg»
2. Al-Ahmad Jalal (1943) *According to the memoirs of the past*. Pub.«Ghatre»
3. Al-Ahmad Jalal (1998) *Setar*. Pub. «Gutenberg»
4. Al-Ahmad Jalal (1999) *Chekhov: short stories*. Pub.«Shahrzad»
5. Ghazi Mahmood (1947) *Sketch of the story*. Pub.«Shahrzad»
6. www. Wikipedia, the free Russian encyclopediya. 22.05.2015.

РУССКАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Булычева Вера Павловна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: nauka.bvp@mail.ru.

Первая половина XX века, богатая на бурные исторические события сыграла свою роль в становлении и развитии приключенческой литературы, отразив в массовом сознании советского человека целой эпохи, своего приключенческого героя – авантюриста, «героя времени», проявившегося в научно-фантастическом, историко-авантюрном и детективном жанрах.

Ключевые слова: герой, приключение, жанр, история, детектив, фантастика

RUSSIAN ADVENTURE LITERATURE OF THE FIRST PART OF THE XX CENTURY IN COMPARATIVE HISTORIC ASPECT

Bulycheva Vera P., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev st., e-mail: nauka.bvp@mail.ru.

The first part of twentieth century is rich by great history events. It played its role in becoming and development of adventure literature and reflected in mass consciousness of a soviet man its own adventure character – an adventurer, «the hero of the time», who appeared in scientific and fantastic, historic and adventure and detective genre.

Keywords: character, adventure, genre, history, a detective story, fantasy

Понятие «приключенческая литература» многозначно вследствие различных трансформаций, происходивших в жанровой системе данного вида литературы. Формирование подвидов приключенческой литературы – научная фантастика, детективная литература, авантюрно-приключенческие, исторические приключенческие произведения, приключенческая сказка – в современном литературоведении рассматривается в рамках художественной литературы, «основным содержанием которой является увлекательный, захватывающий рассказ о реальных или вымышленных событиях» [5, с. 752].

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» М. Бахтин доказывает, что уже в античности утвердились гибкие способы художественного освоения времени («авантюрное время») и пространства, которые «определили развитие всего авантюрного романа до середины XVIII века» [1, с. 236]. Эти способы оказываются определяющими и для литературы, которую в настоящее время принято называть приключенческой.

В начале XX века жанровая природа приключенческой литературы трансформируется. Мотив путешествия остается одним из основных, однако, бурное развитие технического прогресса в начале XX века, изобретение новых форм коммуникации, демократизация общества, широкое распространение массовой литературы внесли свои коррективы в восприятие специфики путешествия. Так, необычность путешествия и совершаемых во время приключений подвигов или происходящих экзотических происшествий, становятся обыденным и общедоступным явлением.

Герои русских авантурных романов 1920-х годов зачастую отправляются в путешествие из России в другие земли для осуществления своих идей, осмысления своей судьбы в пространственном континууме, для рассказа о счастливой жизни в Советской стране или, путешествие по советской земле как движение идеи революционного времени в сознании человека нового социалистического мира (Ф.М. Богданов «Дважды рожденный» (1928), И. Злобин «Земля в паутине (дальние приключения сибиряка Хожялова)» (1926), Э. Батенин «Бриллиант Кон-И-Гута» (1925), Г. Добржинский-Дизз «Боярин Матвеев в советской Москве» (1928), И. Эренбург «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922)).

Еще в XIX веке литературная критика скептически отнеслась к приключенческой литературе, определив ее как «второсортную» литературу, актуализированную появлением массового непритязательного в литературном вкусе читателя.

Известным критиком массовой литературы был К. Чуковский, однако, иронизируя над «дикарскими» вкусами публики, он, тем не менее, признавал неоспоримый факт – «У этой сыщицкой литературы, какова бы она ни была, есть одно великое свойство: она существует» [9].

Духу времени соответствовали произведения Александра Грина («Сто верст по реке», (1912), «Бегущая по волнам» (1928)). В них сочетались фантастическое и реальное, в основе сюжета – происшествие или путешествие. В суровом историческом контексте времени для каждого человека необходима была потребность в романтике, в возможности почувствовать себя героем в мире фантастических событий и тайн, внести разнообразие в обыденность, испытать массу опасных препятствий, и, тем не менее, прийти к счастливому финалу. Поэтому рассказы и романы А. Грина были приняты читателем благосклонно не только в дореволюционной России, но обрели широкую популярность и после Великой Отечественной войны, до начала периода борьбы с космополитизмом в начале 50-х годов, когда творчество А. Грина объявили чуждым пролетарской культуре, а самого писателя называли «духовным эмигрантом».

Научно-фантастический роман В.А. Обручева «Плутония», написанный в 1915 году включает в себе мотив путешествия. Автор, известный путешественник и ученый-геолог, стремился популяризировать научные знания среди молодежи в доступной художественной форме. Приоритетными достоинствами фантастико-приключенческой литературы данного периода был познавательный материал с развлекательной составляющей. Именно такой принцип фантастико-приключенческой литературы – знакомство с наукой и техникой в научно-художественной развлекательной форме соответствовал впоследствии представлениям критиков 1920-30-х гг. и исторически обусловлен.

Многие детективные произведения, написанные русскими авторами, были подражанием уже известных западных персонажей – Шерлока Холмса, Ната Пинкертон, Ника Картера (русский сыщик Путилин в рассказах Р.Л. Антропова (1908), «Холмсиана» в книгах П. Никитина). Но были и собирательные образы, отразившие национальный менталитет (сыщик Мефодий Кобылкин в романах А.И. Красицкого). Многие литераторы имели опыт в сысской деятельности и поэтому произведения основывались на подлинных материалах уголовных расследований.

Нельзя не учесть творчество эмигрировавших литераторов, чьи произведения написаны вне России, но о России, и развившие авантюрно-детективную ветвь русской приключенческой прозы (Л. Кормчий, А.Ф. Кошко, Н.Н. Брешко-Брешковский, которого считают основателем русского шпионского романа).

В начале XX века в массовых рабочих библиотеках помимо политизированной литературы, молодежь читала в основном старые авантурные романы. Поэтому в целях отвлечения молодежи от буржуазно настроенных книг в октябре 1922 года на V съезде комсомола Н.И. Бухарин высказался за выпуск литературы романтико-героического склада, в которой доминантой приключения являлась бы романтика освоение неисследованных пространств СССР (Л. Гумилевский «Харита, ее жизнь и приключения, а также подробный рассказ о том, как был найден город Карла Маркса» (1926)). На данную тему в 1930-39 публиковался роман Г. Адамова «Тайна двух океанов», в классической форме шпионского романа рассказывающий об увлекательном путешествии в океане подводной лодки «Пионер» на затонувшую часть острова Пасхи, о сражении с вражеской армадой.

Таким образом, до революции 1917 года приключенческая литература во многом копирует образность и сюжет зарубежных авантурных произведений, активным элементом становится развлекательность, ориентированная на массового читателя. После революции 1917 года в Советской России авантюрно-приключенческие романы создаются в контексте действующей идеологии. Сюжетность приключенческой литературы приобрела черты насущных проблем молодой республики – революционное подполье, гражданская война, ВЧК, Красная армия, достижения советской науки, экспедиции, милицейские будни. Необходимо было отразить героические моменты из жизни таких «революционных пинкертонов» – рабочих, красноармейцев, чекистов и т.д.

Одной из причин формирования нового проекта «красные пинкертоны» направленного на развитие массовой приключенческой литературы, стал не утихающий интерес у молодежи к переводным дореволюционным авантурным романам. Культурные ожидания массового читателя оправдались бумом серийного выпуска, так называемых волн «продолжений». Данное явление серийности очень хорошо доказывает имевший успех революционно-приключенческий роман М. Шагинян (Джимм Доллар) «Месс-менд» и ее книги-продолжения: «Лори Лэн, металлист» (1925), «Международный вагон», «Джек Кресслинг – король валюты», «Дорога в Багдад», «Мик Маг». Та же тенденция коснулась других произведений приключенческого жанра: повесть Л. Остроумова «Макар Следопыт» (1925) получила продолжение «Черный лебедь Новые приключения Макара Следопыта» (1930), повесть В. Веревкина «Молодцы из Генуи» (1925) была первой частью романа «Красное знамя победит» (1925), Е. Кораблев вслед за краеведческой приключенческой повестью «Четверо и Крак» (1926) написал вторую – «У пяти ручьев» (1926) и затем третью – «Созерцатель скал» (1928). В дальнейшем, в 40-х и 50-х гг. такое литературное явление идет на спад.

Таким образом, детективные истории, сохраняющие дух романтики и авантюризма, отражали социально-политическую ситуацию в стране, разрушительную антиутопию 1920-х гг., что и объясняло склонность красной «пинкертонщины» к сюжету, сочетающему элементы авантурного и фантастического (И. Эренбург «Трест Д.Е. История гибели Европы» (1923), В. Катаев «Повелитель железа» (1925). Однако в целом детективный жанр не приветствовался в СССР и уже с 30-х гг. подобного рода книги изымаются из библиотек, на смену распутивания детективной истории приходит не персонифицированный сыщик, а безликая команда, не обладающая яркими характерами (детективные очерки Л. Шейнина). В 30-е гг. партия большевиков уже не ставила перед комсомолом задач по выполнению нормативов в области чтения, при-

общения к литературе вообще. В 1931 году на IX съезде ВЛКСМ Л. Каганович подчеркнул, что «Призыв к пинкертоновской литературе должен быть заменен призывом к изучению контрольных цифр пятилетки» [4].

Однако были произведения, отражающие индивидуально-творческое мировоззрение автора, презентовавшие читателю яркий, особенный и фантастический мир с вымышленной топонимикой. Безусловно, это, в первую очередь, проза А. Грина «Золотая цепь» (1925). Нереальный город Лисс неоднократно возникает и детализируется в воображении читателя на страницах рассказов «Победитель» (1925), «Алые паруса» (1923), «Молчание» (1930), в романах «Блистающий мир» (1923), «Бегущая по волнам» (1928), «Джесси и Моргиана» (1929), «Дорога никуда» (1930) и др.

«Трудно было представить, что такой светлый, согретый любовью к людям цветок мог родиться здесь, в сумрачном, холодном и полуголодном Петрограде, в зимних сумерках сурового 1920 года» [6, с. 285], – писал в своих воспоминаниях Вс. Рождественский. «Цветком» писатель назвал, опубликованный в 1923 году феерию «Алые паруса». Своеобразие атмосферы этого времени примечательно выразил в своих мемуарах И. Эренбург: «А по ночам бродили мечтатели. Никогда не забуду я тех прогулок! Мы медленно продвигались между сугробами; порой шли цепью – один за другим. Так идут в пустыне караваны. Мы говорили о поэзии, о революции, о новом веке; мы были караванами, которые пробирались в будущее. Может быть, поэтому с такой легкостью мы переносили и голод, и холод, и многое другое» [11, с.339]. А. Грина часто сравнивали с зарубежными мастерами приключенческой литературы, усматривали родственные творческие подходы с авантюрно-фантастическими новеллами Эдгара По.

Романы А. Толстого «Аэлита» (1922–1923) и «Гиперболоид инженера Гарина» (1925–1927) не только освещают научную и общественную мысль данного периода с максимальной реалистичностью, точностью, в контексте исторических противоречий и противостояния идеологий, но и дают психологические характеристики героев. «Аэлита» считается первым советским научно-фантастическим романом.

Понятие «литература русского зарубежья» оформилось после октябрьского переворота в 1917 года, когда из России стали выезжать поэты, писатели и создавать новые произведения на новых местах; это ветвь русской литературы, сформировавшаяся в изгнании.

«Первая волна» эмиграции (послеоктябрьская) знаменуется периодом массового исхода с 1917 по 1920-е годы. Эту эмиграцию еще называют «Белой эмиграцией», поскольку после поражения Белой Армии в ходе Гражданской войны первыми эмигрантами стали военные. В 1922 году эмигрировали многие деятели искусства и науки. Среди них были известные поэты и писатели, которые считали свое изгнание временным и искренне надеялись вернуться на родину. Некоторые, еще в 1920-м году были высланы на так называемом «философском пароходе». Идейные конфликты между советской властью и писателями, поэтами, художниками происходили постоянно. Поэтому эмиграция стала единственной возможностью сохранить свое «Я» в искусстве.

Приключенческая литература, написанная писателями-эмигрантами на чужих берегах, развивалась в лучших традициях классического авантюрного романа (И.Ф. Наживин «Поцелуй королевы» (1927), «Древние письмена» (1935)), но животрепещущей темой русских писателей-эмигрантов, конечно, были, прежде всего, размышления и оценка трагических событий революции и Гражданской войны. Вместе с тем многие произведения эмигрировавших из России авторов были написаны в приключенческом жанре, и, могли, так или иначе, включать в свое художественное пространство и время образ утраченной родины (П.Н. Краснов «Амазонка пустыни» (1922)). Жизненная ситуа-

ция влияла на отбор фактического материала, связанного с историческим прошлым России. Так, например, в основе приключенческой повести И.С. Лукаша «Граф Калиостро» (1925) об известном итальянском авантюристе XVIII века Джузеппе Бальзаме – чудесные приключения, которые происходят с ним по прибытии в Санкт-Петербург в 1782 году. В. Ходасевич, анализируя повесть Лукаша, отмечал: «видно, что он смотрит на свою книгу как на запечатленную им игру воображения, захотевшую из берлинского сегодняшнего двора взлететь над екатерининским Петербургом» [10].

В 1925 году в СССР было основано литературное объединение РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), которое объявил приключенческую литературу буржуазным «большим злом». Она фактически тормозила развитие советской приключенческой литературы, пытаясь унифицировать в рамках произведений соцреализма. Считалось, что «сама постановка вопроса о существовании подобной разновидности литературы казалась неуместной», поскольку советскому человеку «не нужна литература, с помощью которой развлекается/отвлекается все остальное человечество» [3, с. 18].

Тем не менее, в сторону идеологических инстанций мотивировки для оправдания приключенческой литературы были найдены. После активной деятельности М. Горького в защиту приключенческих книг, в свет стали выходить целые серии, посвященные данной тематике: «Библиотека научной фантастики и приключений», «Мир приключений», «Библиотека приключений» и др. периодические издания также публиковали «увлекательные» произведения – журнал «Искатель», «Библиотечка военных приключений», «Библиотека приключений и научной фантастики» и т.п. «Это подготовило плодотворную почву для активного развития и изучения приключенческой литературы во второй половине XX века, поскольку «лишь после второй мировой войны приключенческая литература была полностью оправдана и наряду с произведениями признанных мастеров (А. Грин, В.П. Катаев, А. Гайдар и др.) появились многочисленные издания, ставшие неотъемлемой частью массовой литературы» [5, с. 752].

Период с начала революции 1917 года до начала Великой Отечественной войны характеризуется в основном идеологическими потребностями Советской страны. Контекст произведений отражал героические будни советских людей, страна остро нуждалась в образах сильных и красивых героев, предлагающих читателю захватывающий мир приключений, способных отвлечь от социальных катаклизмов времени и в то же время преодолеть их. Становятся популярными серийные выпуски книг, любившихся читателям. Вместе с тем приключенческая литература активно развивается в эмигрантских кругах, свободная от идеологии и подпитываемая историческим прошлым русского народа.

Широкую известность среди советской читательской аудитории снискал приключенческий роман В.А. Каверина «Два капитана» (1940–1945), в центре которого овеянные романтикой путешествия с целой чередой случайностей. В канве приключенческих событий романистики В.А. Каверина важным аспектом была ирония на грани реальности и фантастического. Ирония позволяла уйти от гнетущей действительности и создать на страницах произведений игру в дальние страны и открытия, преодолеть время и пространство, что вполне отвечало духовным исканиям послевоенной молодежи, служило увлекательным примером в жизненной ориентации, т.е. приключение имело благотворное психологическое воздействие на воспитание характера, соответствующего коммунистическим идеалам личности. В 1946 году вышел еще один роман Г. Адамова – «Изгнание владыки». Также приключенческий по форме, он явился попыткой показать грандиозные перспективы социалистического строительства. В нем автор развернул широкую картину переделки природы Арктики, «великих арктических работ».

Важное значение для юношества приобрела приключенческая повесть «Кортик» А.Н. Рыбакова (1948), которая в дальнейшем найдет свое продолжение не только в новых книгах-трилогиях, но и будет экранизирована. Экранизация советской приключенческой литературы – закономерный итог требований времени и патриотической закалки молодежи. Подобная практика визуализации произведений приключенческого характера была претворена в действие с самого начала второй половины XX века.

В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы в приключенческой литературе на первый план выходит человек-герой и человек-творец, определяемый романтическим настроением борьбы и трудного периода восстановления, противопоставляемый миру собственничества, эгоизма и обыденности.

Следует отметить, что в каждом периоде первой половины XX века был свой «герой-время», который отражал идеологические потребности и одновременно предлагал захватывающий мир приключений, отвлекая советского человека от бурных исторических событий.

Список литературы

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа, 2000. – 556 с.
3. Купина Н. А. Массовая литература сегодня : учеб. пос. / Н. А. Купина. – М. : Флинта; Наука, 2010. – 424 с.
4. Левина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-1930 годы. Часть III / Н. Б. Левина. – Режим доступа: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6637, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
6. Рождественский Вс. Страницы жизни / Вс. Рождественский. – М. : Современник, 1974. – 464 с.
7. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика : в 2 т. / под ред. Н. Тamarченко. – М. : Академия, 2004. – Т. 1. Теория литературы – 512 с.
8. Чуковский К. Нат Пинкертон и современная литература / К. Чуковский. – М. : Современное творчество, 1910. – Режим доступа: <http://bibliogid.ru/pisateli/pisateli-o-chtenii/390-k-i-chukovskij-nat-pinkerton>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Ходасевич В. // Благонамеренный. – Брюссель, 1926. – № 2. – Режим доступа: <http://ouc.ru/khodasevich/o-rovosti-i-lykasha.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Эренбург И. Люди, годы, жизнь / И. Эренбург. – М. : Сов. писатель, 1990. – 496 с.

References

1. Bahtin M. Voprosy literatury i jestetiki. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 p.
2. Vvedenie v literaturovedenie / ed. L.V. Chernec. M.: Vysshaja shkola, 2000. 556 p.
3. Kupina N. A. Massovaja literatura segodnja: uchebnoe posobie. – M.: Flinta; Nauka, 2010. 424 p.
4. Levina N. B. Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920-1930 gody. Chast' III. Available at: http://www.fedy-diary.ru/?page_id=6637
5. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij / ed. A.N. Nikoljukin. – M.: NPK «Intelvak», 2001. 1600 p.

6. Rozhdestvenskij Vs. Stranicy zhizni. M.: Sovremennik, 1974. 464 p.
7. Teorija hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaja pojetika: in 2 vol. / ed. N. Tamarchenko. M.: Akademija, 2004. Vol.1. Teorija literatury. 512 p.
8. Chukovskij K. Nat Pinkerton i sovremennaja literatura. M.: Sovremennoe tvorcestvo, 1910. Available at: <http://biblogid.ru/pisateli/pisateli-o-chtenii/390-k-i-chukovskij-nat-pinkerton>.
9. Hodasevich V. Blagonamerennyj – №2. – Brjussel', 1926 Available at: <http://ouc.ru/khodasevich/o-povesti-i-lykasha.html>.
10. Jerenburg I. Ljudi, gody, zhizn'. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 496 p.

ВИДЕНИЯ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЕ: СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИКИ

Ивашнёва Лидия Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Данное исследование посвящено рассмотрению фольклорных нарративов о видениях высших сил. Учёт своеобразия поэтики и особых функций этой разновидности народной прозы даёт основания трактовать видения как отдельный вид в жанре легенды. В статье основное внимание уделено особенностям сюжетосложения и системе символов, имён, архетипов. Исследование базируется на материалах, не введённых ранее в научный оборот.

Ключевые слова: фольклорные нарративы о чудесных видениях, устные легенды, своеобразие поэтики, функции, разновидности фольклорной прозы, проблема жанра, духовная культура, комплексный подход

VISIONS IN FOLK PROSE: THE ORIGINALITY OF POETICS

Ivashnyova Lydiya L., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The following study is concerned with folk narratives about miraculous apparitions of higher powers. Taking into account the special poetics characters and functions of this folk prose allows to interpret the visions as the type of legend genre. The article concentrates on plot lines and system of symbols, names, archetypes. This research is based on materials, which have not been previously examined.

Keywords: folk narratives about miraculous apparitions, oral legends, the originality of poetics, functions, varieties of folk prose, the problem of genre, spiritual culture, a comprehensive approach

Видения небесных сил занимают одно из важнейших мест в жанровой системе книжной культуры Древней Руси, церковной и светской [5, с. 154-164; 9; 10, с. 35-56; 12, с. 141-156; 13, с. 160-194]. По мнению отечественных медиевистов, видениями пронизана вся древнерусская литература. Устные рассказы о видении Христа, Богоматери, святых, других представителей высших сил в «тонком сне», на грани сна и бодрствования, являются важной составной частью фольклорной прозы. Они рассматриваются исследователями в качестве фольклорных нарративов о снах и видениях, что наиболее полно отражено в сборнике «Сны и видения в народной культуре» [14, с. 9–25; 247–260; 261–270; 310–327].

В классификации, предложенной известным краеведом А.В. Баловым, дано описание основных типов сновидений. В их числе – «*религиозные*» сны: их «народ единогласно приписывает Богу и святым его» [1, с. 212]. Современное научное осмысление устных повествований о снах и видениях, обу-